

Н. Н. Аблажей, А. С. Жанбосинова

«Массовые» операции НКВД 1937–1938 гг. в отношении уголовных и «деклассированных элементов»

Аблажей

Наталья Николаевна

д-р ист. наук,
Новосибирский
государственный
университет
(Новосибирск,
Россия); Евразийский
национальный
университет
им. Л. Н. Гумилева
(Астана, Казахстан)

Жанбосинова

Альбина Советовна

д-р ист. наук,
проф., Евразийский
Национальный
университет
им. Л. Н. Гумилева
(Астана, Казахстан)

Финансирование

Статья подготовлена
в рамках реализации
научного проекта
AP14869089 по
гранту Комитета
науки Министерства
образования и науки
Республики Казахстан
на тему: «Вертикаль
и горизонталь
Большого террора:
политические
репрессии
в Казахстане
в 1937–1938 гг.»

Введение

Советская модернизационная парадигма базировалась не столько на социалистической идеологии, сколько на концепте преобразования традиционного и переходного общества в общество современное при самой активной роли государства. Раскрестьянивание, сопровождавшееся маргинализацией и люмпенизацией, способствовало притоку сельского населения в города, деструкции ценностей, росту девиантного поведения. Для специалистов очевидна зависимость социальных преобразований и репрессивной политики. Для анализа интервенционалистской политики государства по отношению к обществу, в том числе при изучении истории репрессий в СССР, нам представляется также весьма убедительной концепция «политики населения», сформулированная в работах П. Холквиста¹ под влиянием теоретических моделей, предложенных З. Бауманом и Э. Хобсбаумом. Суть заключается в том, что транзит к современности основывается на свойственной эпохе модерна концепции общества как искусственного объекта, поддающегося преобразованию при помощи государственного вмешательства. Таким образом, политику насилия по отношению к различным социальным и этническим группам следует рассматривать как направленную на трансформацию общества и формирование определенного состава населения. Рассматривая СССР как модерное государство, которое, как садовник, «вращивает массы», Д. Хоффман акцентирует внимание и на «отсекающем насилии», как методе

преобразования общества². Р. Бинер, М. Юнге³, Д. Ширер⁴ усматривают в массовом и повторяющемся терроре функцию социальной инженерии.

Политика в области борьбы с преступностью в 1920–1930-е гг. в СССР в значительной степени была обусловлена приоритетами власти. Советское государство ранжировало типы преступности, квалифицируя их, исходя из приоритетов «опасности: во-первых, по отношению к государству и режиму власти, во-вторых, к обществу, и только в-третьих, к гражданам. Приоритеты в оценке «угроз» обусловили разделение правонарушений на «социально опасные» и «социально вредные». По мнению Д. Ширера, при решении проблемы обеспечения охраны общественного порядка и борьбе с преступностью власть базировалась на нескольких основаниях. На рубеже 1920–1930-х гг. мощь государства концентрировалась на «социалистическом наступлении», которое увенчалось успехом, но привело одновременно к социальным потрясениям и дезорганизации социума. Все это явно угрожало общественному порядку, на охрану которого у государства не было ресурсов. Как результат, страну захлестнула криминальная волна. К середине 1930-х гг. уголовная преступность и маргинальные слои общества стали классифицироваться властью, как опасность, проявление «классовой борьбы», ответом на которую стало создание общенациональной централизованной полицейской системы, ориентированной на поддержание правопорядка и обеспечение надзора за обществом. Налицо была дилемма: либо обеспечивать порядок планомерными методами, либо прибегнуть к испытанным методам административных кампаний и массовых операций. Репрессии 1937–1938 гг. стали массовыми, поскольку в их эпицентре оказались категории населения, квалифицируемые властью как «антисоветские элементы» и представлявшие угрозу государству именно с точки зрения своей массовости.

Сложившаяся в 1990-е гг. концепция Большого террора сегодня радикально пересмотрена. По мнению исследователей, чистка элит оказалась лишь верхушкой пирамиды государственных репрессий, а ядром террора стали «массовые» операции НКВД. В плане изучения механизма репрессий и жертв «массовых» операций 1937–1938 гг. особый интерес представляют исследования, предпринятые в рамках проектов, осуществлявшихся в 2000-е гг. международным коллективом историков⁵. Сегодня ряд исследователей (Д. Ширер⁶, М. Юнге⁷) считают правомерным выделение, помимо «кулацкой» и «национальных», еще одной массовой операции — «милицейской», в эпицентре которой оказались маргинальные и девиантные слои населения. Исходя из подобной позиции, есть веские основания утверждать, что уголовников и другие категории социальных «уклонистов следует» рассматривать в качестве отдельной группы жертв Большого террора. Помимо этого, на материалах троек и архивно-следственных дел был предложен и апробирован алгоритм работы с категориями репрессированных по «массовым» операциям, по результатам которой сделан вывод, что социально-групповой состав репрессированных имел свою территориальную и национальную специфику.

Цель данной статьи — выявление масштабов социальных чисток периода Большого террора в уголовных, маргинальных и девиантных группах населения на материалах Казахстана. «Массовые» операции Большого террора

в Казахстане до сих пор изучены крайне фрагментарно, хотя в последние годы опубликована серия документальных изданий⁸, в которых представлены отдельные докладные записки НКВД о ходе «кулацкой» операции и материалы прекращенных архивно-следственных дел на осужденных. Среди опубликованных работ следует выделить кандидатскую диссертацию Д. Орынбеовой⁹, статьи Н. Аблажей, А. Жанбосиновой¹⁰, А. Савина¹¹, Н. Потаповой¹², где для анализа «национальных» операций НКВД использованы материалы внесудебных инстанций, документальная монография И. Козыбаева¹³, благодаря которой в научный оборот частично введены материалы следственной комиссии НКВД СССР, расследовавшей факты нарушения социалистической законности сотрудниками УНКВД Казахской ССР в 1937–1938 гг.

Наше исследование построено на сопоставлении данных отчетной статистики НКВД и материалов внесудебных инстанций. В научный оборот вводятся данные статистической обработки протоколов внесудебных троек («кулацких» и «милицейских») периода 1937–1938 гг. с территориальным охватом всего Казахстана. Коллекции протоколов внесудебных инстанций сохранились в полном объеме в республиканском и областных Специальных государственных архивах Комитета национальной безопасности и Министерства внутренних дел, Национальном архиве Республики Казахстан. В настоящее время завершается процесс передачи материалов троек на государственное хранение.

Конкретизация понятий «уголовный», «социально вредный» и «деклассированный элемент»

В рамках нашего исследования необходимо уточнение статуса лиц из числа уголовного и маргинального континентов, попавших в период Большого террора в массовые политические репрессии. Важно, что с точки зрения норм советского права и деятельности в области борьбы с преступностью и «социально опасные» и «социально вредные» относились к группе уголовных преступников. Более того, в отношении лиц, признанных «социально опасными» (СОЭ) и «социально вредными» (СВЭ) элементами, широко применялась не только дискриминация, но и административные и уголовные преследования. Под «вредность деяния» подпадало несколько групп населения, среди которых: 1) лица, отбывшие срок наказания, но сохранявшие контакты с преступным миром, 2) лица, не занятые общественным трудом и не имеющие постоянного места жительства, в том числе нарушители паспортного режима и 3) лица с девиантным поведением. Как справедливо отметил Д. Ширер, термин «социально вредный», по сути, стал обобщенным для нескольких групп населения, при этом сам факт преступления считался вторичным¹⁴.

Уголовный кодекс 1926 г. декларировал, что меры социальной защиты направлены на противодействие преступности, воздействия на «неустойчивую» часть общества и интеграцию лиц, совершивших правонарушения, в социум. В качестве наказания Уголовный кодекс предусматривал уголовное преследование «социально вредного элемента» на сроки до пяти лет или ссылку в отдаленные районы. Речь идет о 35-й статье («о мерах социальной защиты»),

осужденных по которой называли «тридцатипятыками»¹⁵. Помимо этого, еще целый спектр статей Уголовного кодекса РСФСР¹⁶ предусматривал выселение, чаще вкуче с принудительными работами.

Еще одной категорией официально отверженных и преследуемых в СССР были так называемые деклассированные элементы, которые представляли собой люмпенизированные слои общества. Фактически понятия «социально вредные» и «деклассированные» были тождественны и часто использовались как взаимодополняющие. Под понятие «деклассированные элементы» в советской нормативно-правой сфере и практике подпадали маргиналы, к таковым в первую очередь относили не паспортизированных, без определенного места жительства и без определенных занятий, освободившихся из заключения, а уже во-вторых, ведущих асоциальный образ жизни.

При этом следует особо отметить, что бродяжничество и нищенство в СССР в 1920–1930-е гг. по закону не каралось, как это было позднее. Уголовному преследованию подлежало только втягивание несовершеннолетних в занятия нищенством и проституцией. Власти боролись с туеядством, как формой социального паразитизма, проводя с начала 1930-х гг. кампании по ликвидации «нищенства и беспризорности среди взрослых», но только в начале 1950-х гг. статья о туеядстве появилась в Уголовном кодексе. В этом смысле можно говорить о феномене «плавающей криминализации»¹⁷, под которым подразумевается преследования за действия или поведение, которые раньше не подлежали наказанию или карались сравнительно мягко.

Отметим и такой момент, что в СССР лица, осужденные по уголовным статьям, были пораженными в гражданских правах, т. е. фактически оказывались «лишенцами». «Лишенцы» были самой массовой маргинальной группой советского общества. Дискриминация подстегивала рост преступности среди «лишенцев» всех категорий. Это группа, дискриминируемая по политическим и гражданским основаниям, была представлена в первую очередь так называемыми бывшими, т. е. представителями бывших привилегированных групп. К концу 1920-х гг. среди «лишенцев» увеличилась доля лиц, лишенных гражданских прав за «нетрудовые доходы», т. е. за «криминальные практики», самой распространенной из которых была спекуляция. Важно, что лишение избирательных прав использовалось в качестве меры уголовного наказания. УК РСФСР 1926 г. предусматривал поражение в политических и отдельных гражданских правах, начиная со срока осуждения уже свыше одного года. Советские суды широко выносили специальные определения по поражению в правах, зачастую на более длительный срок, чем само лишение свободы. Лишенные избирательных прав автоматически становились кандидатами на выселение. Заметим, что Конституция 1936 г. лицам, осужденным с лишением избирательных прав, таковые им не вернула.

Политизация уголовной преступности

Советское административное право представляло собой совокупность норм охранительного характера, которые определялись решениями партийных,

советских и государственных инстанций. Процесс политизации общеуголовной преступности и социальных аномалий и интенсификация террора в отношении криминальных и девиантных слоев населения наметился постепенно. Изначально жесткая линия реализовывалась в отношении проявлений бандитизма. Тенденция к ужесточению уголовного и административного законодательства становится все очевидней к середине 1930-х гг. С 1932 г. к лицам, виновным в хищениях социалистической собственности, стали применять сроки от 10 лет до смертной казни¹⁸. С 1934 г. решением ЦИК и СНК СССР устанавливается «упрощенный порядок» рассмотрения в судах дел от НКВД¹⁹. На рубеже 1933–1934 гг. Политбюро одобрило серию чрезвычайных мер в отношении уголовников и деклассированных элементов, санкционировав применение смертной казни для участников вооруженных ограблений и административной высылки деклассированных в отделенные районы на поселение, в лагеря и колонии²⁰. В 1935 г. снижается срок наступления уголовной ответственности за тяжкие уголовные преступления: отныне он наступает с 12-летнего возраста²¹. С 1935 г. осужденные по 35-й статье Уголовного кодекса к ссылке уже осуждаются на 10 лет. Созданное в 1934 г. Особое совещание при НКВД весной 1937 г. получило право применять до 8 лет лишения свободы²². В октябре 1937 г. ЦИК СССР увеличил максимальный срок лишения свободы с 10 до 25 лет²³.

В СССР самыми распространенными формами административных репрессий было лишение имущества с принудительным выселением и запретом на проживание на определенных территориях. Для лиц и групп населения, признанных «общественно опасными», административная ссылка применялись очень широко. С 1932 г. в отношении лиц, осужденных на поселение или в лагеря, как по суду, так и во несудебном порядке, и отбывших наказание, выборочно стали применять ограничения на право проживания. Под запрет попадали промышленные районы, города и приграничные территории. С 1933 г. с началом паспортизации в СССР запреты на проживание и применение административной высылки из режимных местностей стали практиковаться уже очень широко. Паспортизация должна была стать важнейшим рычагом борьбы с преступностью и деклассированным элементом. Изначально паспортизация была нацелена на очистку городов и крупных новостроек от «укрывающихся кулацких, уголовных и иных общественных элементов». В директивах 1934 г. рекомендовалось максимально полно «использовать возможности паспортизации для борьбы с преступным и деклассированным элементом» в городах и рабочих поселках. Начиная с 1933 г. лицам, освобождаемым из лагерей и колоний, рекомендовали вообще не выдавать паспорта. Летом 1935 г. был введен запрет на въезд в режимную зону всем осужденным по политическим статьям²⁴. В пограничной полосе вообще не разрешалось проживать любым бывшим заключенным, независимо от характера преступления, за которое они были осуждены²⁵. Руководство НКВД настаивало, что на местах не в полной мере используют возможности паспортизации, которая в режимных областях «давала возможность полностью освободиться от уголовного элемента и не допустить его появления», а в «не режимных местностях» позволяла милиции «выявить преступный элемент и взять его на учет».

В 1935 г. стало обязательным изъятие паспорта при аресте. Паспорт мог быть возвращен владельцу после отбытия наказания с соответствующим штампом, но чаще всего подлежал уничтожению. Уничтожение паспортов и учет чистых паспортных бланков подлежали особому контролю, но коррупция в этой сфере процветала. Чистый паспорт — это возможность скрыть криминальное прошлое. Получение бывшим заключенным общегражданского паспорта на законных основаниях было возможно, но только после тщательной проверки «политической физиономии» и подавалось как «высшая льгота» государства. В паспорта лиц, отбывших наказание, ставили штампы с указанием на ограничение проживания в «режимных местностях». Накануне массовых репрессий в 1936 г. провели обмен паспортов, выданных в 1933 г., и реформу паспортных служб, позволившую провести новую полномасштабную «чистку» городов. С конца февраля 1938 г. вступил в действие новый регламент, предусматривающий обязательную вклейку в паспорт фотографии, что предполагало установление личности и проверку документов учета, в том числе розыскных карточек на разыскиваемых преступников²⁶. Безусловно, следует согласиться с Д. Ширером в том, что паспортизация стала самой главной кампанией по защите общественного порядка²⁷.

В борьбе с преступностью широко практиковалось проведение кратковременных массовых кампаний. На 1933–1936 гг., помимо паспортизации, пришлось новая волна кампаний по борьбе со спекуляцией в городах, оборотом валюты, бандитизмом, беспорядочностью, нищенством, рейдов на транспорте, что привело к росту внесудебных репрессий в отношении маргиналов, преступников и «антиобщественных элементов». Данные обстоятельства, по мнению Д. Ширера и П. Хагенло²⁸, дают основания утверждать, что кампании «социальной защиты» середины 1930-х гг. стали предвестниками Большого террора. Обновленный вариант борьбы с криминальной преступностью был предложен в 1937 г. и основывался на тезисе о том, что идет «повторное засорение» общества²⁹. Суть его сводилась к тому, чтобы продлевать заключенным сроки, а часть из них просто ликвидировать.

Реализация приказа НКВД № 00447 в Казахстане

Большой террор в СССР стартовал с масштабной карательной акции, известной как «кулацкая» операция НКВД СССР, реализуемая на основании оперативного приказа № 00447 от 30 июля 1937 г.³⁰, утвержденного Политбюро ЦК ВКП(б) днем позже. Репрессии были нацелены на «бывших кулаков» и «уголовников», к которым вскоре добавили «прочий антисоветский элемент». В масштабах страны по «кулацкой» операции репрессировали почти 128 тыс. чел., квалифицированных как «уголовный элемент», из которых 44 тыс. были расстреляны³¹. В девяти регионах СССР «уголовники» стали самой многочисленной группой жертв «кулацкой операции», их доля превысила треть от общего числа осужденных, а в Московской области таковых оказалось даже больше половины.

Постановление Политбюро «Об антисоветских элементах» от 2 июля 1937 г.³² предписывало срочно взять на оперативный учет всех граждан, освободившихся или бежавших из мест заключения и спецпоселений, квалифицировав их как «враждебный» контингент, с целью привлечения к уголовной ответственности. Особо указывалось на то, что часть его подлежала расстрелу. Решение Политбюро было доведено до сведения партийного руководства всех регионов страны с требованием представить предложения с указанием численности. Согласно директиве НКВД № 266 от 3 июля 1937 г.³³ запрашиваемые данные по регистрации и отбору кулацкого и уголовного элемента по 1-й и 2-й категории должны были поступить из регионов не позднее 8 июля. Затребованные цифры по репрессиям в считанные дни поступили от 56 административных субъектов СССР разного уровня и сразу же были утверждены решениями Политбюро. Однако некоторые регионы просрочили с отправкой, пытаясь скорректировать цифры, чаще в сторону увеличения. Часть субъектов запросили разрешение провести операцию непосредственно в лагерях и труд-(спец)поселках, что и было одобрено. Заметим, что лагеря НКВД и тюрьмы запросили себе отдельную квоту. К середине июля во всех регионах СССР были сверстаны первые оперативные планы по «изъятию уголовников и кулаков», которые были представлены начальниками УНКВД.

Одним из аргументов для «большой чистки» в республике, было то, что Казахстан стал территорией, куда шло вливание человеческих ресурсов, в том числе для принудительного трудоустройства. К началу Большого террора численность административных ссыльных и заключенных в республике достигла почти 400 тыс. чел. Согласно первым запросам, полученным от руководства Казахской ССР, планировалось «осудить» 6749 чел., из которых 2346 чел. предлагалось расстрелять³⁴. Буквально за несколько дней цифры возросли до 8110, из которых 3200 подлежали расстрелу, что было выше первоначальной цифры на 1361 чел.³⁵ При этом только трем областям из восьми (Северо-Казахстанской, Северо-Восточной, Карагандинской) удалось на основании проведенных учетов оперировать перед Центром абсолютными данными о количестве уголовников. Спущенная приказом № 00447 для Казахстана в виде лимита цифра будущих жертв репрессий составила 7,5 тыс. чел., из которых 2,5 тыс. чел. подлежали расстрелу³⁶. По запросам регионов Москва предоставляла дополнительные лимиты. За весь период операции республика неоднократно получала дополнительные квоты и итоговые цифры почти в 3,5 раза превысили лимит, обозначенный приказом № 00447.

Приказ № 00447 предписывал начать операцию в большинстве регионов с 5 августа 1937 г. В Казахстане она стартовала именно в этот день. Существует мнение, что «кулацкую» операцию планировали завершить к выборам в Верховный Совет, т. е. к 12 декабря 1937 г. Однако директива НКВД СССР № 50194 от 11 декабря 1937 г. продлила работу троек до января 1938 г.³⁷ Постановление Политбюро ЦК ВКП(б) «Об антисоветских элементах» от 31 января 1938 г. продлевало репрессии в 22 регионах страны до середины марта 1938 г.³⁸ Всем остальным регионам, в том числе Казахстану, постановление предписывало завершить операцию к середине февраля 1938 г.³⁹ В марте 1938 г. одна

из областей республик — Северо-Казахстанская, обратилась в Центр за дополнительным лимитом, аргументируя это тем, что область перегружена ссыльными⁴⁰. Несмотря на жесткий регламент, вопрос об окончательном завершении операции остается дискуссионным. В ряде регионов, получивших право на продолжение репрессий, тройки завершили свою деятельность позднее предписанного, что позволяет утверждать, что операция по приказу № 00447 продолжалась вплоть до октября 1938 г.

К этому сроку УНКВД по Казахской ССР представило в Москву отчетность по операции. Согласно документу, общее число репрессированных составило 22 804 чел., из которых 9500 приговорены к высшей мере наказания (ВМН)⁴¹. В рамках «кулацкой» кампании в республике было осуждено 25 937 чел., из которых 12 429 (по другим данным все-таки 12 580 чел.) расстреляны⁴². Поскольку репрессивная кампания позиционировалась как плановая, то Центр интересовало, имело ли место превышение лимитов регионами. Управление НКВД по Казахской ССР отчиталось, что выделенный республике лимит по 1-й категории в объеме 12,5 тыс. чел. выполнен, но не превышен⁴³.

Отчетность НКВД по итогам проведения «кулацкой» операции предполагала разбивку всех репрессированных на три категории: «кулаки», «уголовники» и «прочий контрреволюционный элемент». Именно отличия в соотношении численности групп наглядно иллюстрируют картину и приоритеты террора в регионах. Материалы отчетности НКВД Казахской ССР содержат статистику по репрессированным «уголовникам». Во-первых, в отчетах есть данные по общей численности репрессированных «уголовников». Во-вторых, встречается статистика о количестве дел, возбужденных милицией. В-третьих, есть данные по уголовникам с разбивкой контингента по видам преступлений. И наконец, некоторые отчеты позволяют судить о численности осужденных «уголовников» к расстрелу и заключению.

Сразу необходимо заметить, что статистика даже в сводных отчетах УНКВД Казахской ССР за начало 1938 г. весьма противоречива. Так, в отчете от 1 января 1938 г. фигурировала цифра осужденных 22 080 чел., а уже от 4 января 1938 г. — уже 22 804 чел., в том числе 1907 «уголовников» (или 8,4 %) ⁴⁴. На основе этих данных можно утверждать, что «уголовники» не оказались в эпицентре репрессий в республике. Однако в разрезе областей, доля уголовников оказалась весьма неравномерной. В лидерах оказались Кустанайская — 22 %, Южно-Казахстанская — 11,8 %, Западно-Казахстанская — 15,6 % области; существенно меньшие цифры продемонстрировали: Карагандинская — 7,8 %, Алма-Атинская — 6 %, Восточно-Казахстанская — 5,2 %, Северо-Казахстанская — 5 %, Актюбинская — 3,1 % ⁴⁵. В отчете от 4 января 1938 г. по «кулацкой» операции, содержащим сведения на 20 868 чел., указано и количество «уголовников» (2709 чел., или почти 13 %). Эти же данные вошли в сводку ГУГБ НКВД СССР об арестованных и осужденных по приказ № 00447 ⁴⁶. В областном разрезе картина была следующей: Кустанайская — 27,7 %, Западно-Казахстанская — 14,8 %, Карагандинская — 12,3 %, Восточно-Казахстанская — 10,8 %, Южно-Казахстанская — 10,3 %, Северо-Казахстанская — 8,1 %, Актюбинская — 7,6 %, Алма-Атинская — 6,4 % ⁴⁷. Таким образом, сопоставление данных двух

отчетов НКВД по уголовному элементу дает крайне противоречивую картину. Отчет дает также разбивку «уголовников» по ключевым группам: бандиты-грабители (720 чел.), воры-рецидивисты (679 чел.), ското- и конокрады (325 чел.) и пр.⁴⁸

Ситуация усугубляется при сопоставлении данных, приведенных в общесоюзной статистике по итогам операции, где численность репрессированных «уголовников» в республике оценена в 2671 чел., в том числе 810 по 1-й категории⁴⁹. Согласно предоставленным в Москву в сентябре 1938 г. итоговым цифрам, в республике с августа 1937 г. по февраль 1938 г. включительно было осуждено 25 937 чел., из которых «уголовников» 2745 чел. (839 чел. — по 1-й и 1907 чел. — по 2-й категории)⁵⁰. Как «лиц без определенных занятий» квалифицировано 5254 чел., наибольшее число таковых оказалось в Восточно-Казахстанской (1336 чел.) и Южно-Казахстанской (1176 чел.)⁵¹. Проверить и скорректировать статистику по приказу № 00447 позволяют материалы внесудебных инстанций, а именно протоколы троек.

«Кулацкие» тройки и «уголовники» как их контингент

Для проведения массовых репрессий в ускоренном формате согласно приказу № 00447 при управлениях НКВД в регионах были воссозданы тройки, известные как «кулацкие». Эти тройки получили право приговаривать к расстрелу, а также к заключению на срок от 8 до 10 лет. «Кулацкие» тройки в Казахской ССР имели статус областных. В соответствии с административно-территориальным делением республики тройки были созданы в Алма-Атинской, Актюбинской, Восточно-Казахстанской, Западно-Казахстанской, Карагандинской, Кустанайской, Северо-Казахстанской и Южно-Казахстанской областях. В январе 1938 г. из состава Восточно-Казахстанской была выделена Павлодарская область. Тогда же появилась и Гурьевская область. Но самостоятельных троек в новых областях создано не было. Репрессии затронули всю территорию республики, но отчетность по ним по приказу № 00447 вошла в отчеты Западно-Казахстанской и Восточно-Казахстанской областей. В состав троек входили начальник областного УНКВД, секретарь обкома КП(б) и областной прокурор. Все «кулацкие» тройки республики начали работать в августе. Первые заседания троек прошли в Карагандинской области — 11 августа, Восточно-Казахстанской, Западно-Казахстанской — 13 августа, Северо-Казахстанской и Актюбинской — 14 августа, Алма-Атинской — 21 августа, Южно-Казахстанской — 26 августа, Кустанайской — 28 августа. В Казахской ССР все «кулацкие» тройки завершили свою работу в феврале 1938 г.: Актюбинская — 8 февраля, Восточно-Казахстанская, Карагандинская — 14 февраля, Алма-Атинская, Западно-Казахстанская, Кустанайская, Северо-Казахстанская — 15 февраля.

Полная обработка материалов этих внесудебных инстанций позволяет утверждать, что жертвами «кулацкой» операции в Казахской ССР стали 26 910 чел., в том числе 13 322 чел. были приговорены к расстрелу (табл. 1). Полученная цифра на 973 чел. оказалась выше той, которая прошла по итоговым отчетам.

Таблица 1

**Численность осужденных областными «кулацкими» тройками в Казахской ССР
в ходе операции по приказу № 00447, чел.**

Область	1937 г.					1938 г.	
	Август	Сентябрь	Октябрь	Ноябрь	Декабрь	Январь	Февраль
Актюбинская	180	206	272	1319	441	...	150
Алма-Атинская	155	260	389	778	2667	25	643
Восточно-Казахстанская	158	191	844	1845	2060	...	502
Карагандинская	345	379	450	819	1106	118	534
Кустанайская	33	158	456	722	735	...	93
Северо-Казахстанская	260	409	331	578	893	94	406
Западно-Казахстанская	50	179	109	325	715	...	177
Южно-Казахстанская	176	255	257	1095	1062	50	456
<i>Итого</i>	1357	2037	3108	7481	9679	287	2961

Составлено по: Специальный Государственный архив Департамента полиции (СГА ДП) Алма-Атинской области. Ф. 1. Оп. 1. Д. 310–321; СГА ДП Актюбинской области. Ф. 1. Оп. 1. Д. 3032–3045; СГА ДП Восточно-Казахстанской области. Ф. 5. Оп. 1. Д. 1–15; СГА ДП Карагандинской области. Ф. 1. Оп. 1. Д. 102–115; СГА ДП Кустанайской области. Ф. 1. Оп. 1. Д. 3273; СГА ДП Северо-Казахстанской области. Ф. 1. Оп. 1. Д. 94–105; СГА ДП Западно-Казахстанской области. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1–10; СГА ДП Южно-Казахстанской области. Ф. 1. Оп. 1. Д. 372–389.

Судить о количестве «уголовного» контингента, осужденного «кулацкими» тройками, позволяет выборка по числу дел, представленных на тройку областными отделениями милиции и управлениями лагерей. Агрегированные данные обработки протокольной статистики представлены в табл. 2. Согласно полученным данным, по представлениям областных отделений милиции областные «кулацкие» тройки рассмотрели дела на 3044 чел., из которых 975 чел. были расстреляны (32%), а с учетом лагерей 4161 чел., в том числе 2092 чел. расстреляны (или почти 50,4%). За счет милиции доля «уголовников» от общей численности осужденных «кулацкими» тройками по всей республике составила 11,3%, а с учетом лагерей — 15,5%.

Областные управления милиции активно участвовали в операции, наибольшее количество их контингента прошли через «кулацкие» тройки в октябре — ноябре 1937 г. За четыре месяца интенсивных репрессий в рамках приказа № 00447 милиция отправила на тройки 2833 чел.: в августе — 197 чел., сентябре — 161 чел., октябре — 599 чел., ноябре — 1249 чел. и декабре —

Таблица 2

Численность осужденных «кулацкими» тройками по представлениям областных отделений милиции и управлений лагерей, чел.

Область/лагерь	1937 г.					1938 г.	
	Август	Сентябрь	Октябрь	Ноябрь	Декабрь	Январь	Февраль
Актюбинская	...	33	51	125	24
Алма-Атинская	32	43	69	71	147	...	36
Восточно-Казахстанская	20	8	134	163	24
Карагандинская	25	18	54	143	107
КарЛАГ	178	221	57	145	250	99	86
Кустанайская	185	273	124
Северо-Казахстанская	27	11	37	56	73	4	3
Западно-Казахстанская	30	48	68	91	30
ПрорвЛАГ	15	29	...	32	5
Южно-Казахстанская	52	...	123	321	152	6	3
<i>Итого</i>	379	411	778	1420	931	109	133

Составлено по: СГА ДП Алма-Атинской области. Ф. 1. Оп. 1. Д. 310–321; СГА ДП Актюбинской области. Ф. 1. Оп. 1. Д. 3032–3045; СГА ДП Восточно-Казахстанской области. Ф. 5. Оп. 1. Д. 1–15; СГА ДП Карагандинской области. Ф. 1. Оп. 1. Д. 102–115; СГА ДП Кустанайской области. Ф. 1. Оп. 1. Д. 3273; СГА ДП СКО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 94–105; СГА ДП Западно-Казахстанской области. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1–10; СГА ДП Южно-Казахстанской области. Ф. 1. Оп. 1. Д. 372–389.

627 чел. За два месяца 1938 г. областными отделениями милиции на тройки было отправлено только 52 чел.: в январе — 10 чел., в феврале — 42 чел. Особо обращает внимание тот факт, что управления милиции Актюбинской, Западно-Казахстанской, Восточно-Казахстанской, Кустанайской, Карагандинской, Северо-Казахстанской областей в 1938 г. уже вообще никого не проводили через «кулацкую» тройку.

ГУЛАГ НКВД СССР приказом № 00447 получил свой лимит в объеме 10 тыс. чел. по первой категории. На территории Казахстана находились исправительные учреждения НКВД, крупнейшим из которых был Карагандинский исправительный-трудовой лагерь (КарЛАГ), численность заключенных в котором на лето — осень 1937 г. составляла 34,5 тыс. чел.⁵² Прорвинский лагерь (ПрорвЛАГ), представлял собой рыбопромышленный комплекс на берегах Северного Каспия. Здесь численность расположенного в пределах респу-

блики заключенных Гурьевского отделения составляла около 2 тыс. чел.⁵³ На сопредельных с лагерями территориях формировались колонизационные зоны из числа освободившихся из мест заключения.

Из числа заключенных в лагерях, расположенных на территории КазССР, через «кулацкие» тройки прошли 1117 чел. При этом весь контингент КарЛАГа — 1036 чел. — был осужден Карагандинской тройкой к расстрелу. От Прорвинского лагеря через Западно-Казахстанскую тройку прошли 81 чел.⁵⁴ При этом лимит КарЛАГа по приказу № 00447 составлял 600, ПрорвЛАГа — 100 чел.⁵⁵ Таким образом, данные протокольной статистики показывают существенное превышение КарЛАГом выделенного им лимита. Согласно первым отчетам управлений лагерей о ходе операции, следует, что на рассмотрение «кулацкой» тройкой шли как «политические», так и «деклассированные»⁵⁶. Однако в 1937 г. серия приказов НКВД предписывала дела заключенных проводить только через тройки. Все дела о побегах проводили только через тройки⁵⁷. При этом в 1934–1938 гг. в крупных лагерных отделениях существовали лагерные судебные органы, созданные как отделения областных и верховных судов, с целью ускоренного рассмотрения дел. Они рассматривали дела, связанные с преступлениями против личности, побегами, бандитизмом и контрреволюционными выступлениями.

В эпицентре репрессий по приказу № 00447 должны были оказаться уголовники, в первую очередь представители «ядра» криминального мира — рецидивисты и бандиты, т. е. лица, неоднократно совершавшие преступления. Если апеллировать к статьям Уголовного кодекса, то к преступлениям, которые особо беспокоили власть, были отнесены грабеж (ст. 165), разбой (ст. 167), мошенничество (ст. 169), кража скота и лошадей (ст. 166), кража (ст. 162), сбыт краденого (ст. 164), спекуляция (107), сбыт наркотиков и содержание притонов (ст. 104). По приказу № 00447 в первую очередь должны были «пройти» те, кто уже был арестован, но судебные решения еще не вынесены, а также преступники, отбывающие наказание в лагерях и ссылке. Циркуляр № 61 к приказу № 00447 от 7 августа 1937 г. дополнительно обговаривал состав контингента, добавив к нему совершивших побег из места заключения и лиц, отнесенных к «социально вредному элементу», даже если таковые не совершали преступлений. В отношении уголовного элемента, отбывающего наказание в лагерях, проведение репрессий регламентировалось приказом № 00409, который стал дополнительным инструментом реализации «кулацкой операции». Так, например, к концу сентября 1937 г. начальник управления КарЛАГа рапортовал начальнику Управления НКВД КССР, что за полтора месяца операции по приказу № 00409 лимит в 400 чел. «полностью исчерпан»⁵⁸. Руководство КарЛАГа выразило готовность «выделить» для текущей репрессивной кампании еще около 5 тыс. заключенных⁵⁹.

Углубленный анализ контингента «уголовники» проведен авторами на материалах протоколов «кулацкой» тройки НКВД Кустанайской области, где, согласно отчетам, доля уголовников оказалась самой высокой, что, безусловно, требует более пристального внимания. По итогам обработки материалов «кулацкой» тройки в Кустанайской области «уголовники» составили 27 % от

Таблица 3

Динамика осуждений «кулацкой» тройкой в Кустанайской области
(по датам заседаний)

Число осужденных, чел.	1937 г.					1938 г.
	Август 28	Сентябрь 3, 7, 19	Октябрь 3, 5, 10, 11, 12, 14, 18,	Ноябрь 2, 20, 21, 25, 27, 28	Декабрь 2, 3, 4, 8, 28, 29, 30, 31	Февраль 13, 14, 15
По 1-й категории	29	111	222	339	212	39
По 2-й категории	4	47	234	383	523	54
Итого	2104					93
Уголовников по 1-й категории	69	50	3	...
Уголовников по 2-й категории	116	223	121	...
Итого уголовников	582					...

Составлено по: СГА ДП Кустанайской области. Ф. 1. Оп. 1. Д. 327.

численности репрессированных. Расхождения с отчетами областного УНКВД оказалось минимальным⁶⁰. Данные по динамике осуждения в Кустанайской области представлены в табл. 3.

«Кулацкая» тройка в Кустанайской области провела 20 заседаний. Всего было осуждено 2197 чел. К ВМН было приговорено 952 чел., после пересмотра дел приговоренных по 2-й категории цифра увеличилась до 1044. Половину всех осужденных составили казахи. По представлениям райотделов милиции тройка рассмотрела дела на 582 чел., из которых 122 чел. были осуждены к расстрелу. Дела уголовников тройкой не пересматривались. ВМН применяли к лицам, имевшим неоднократные судимости и приводы, в том числе как скрывшимся от правосудия и бежавшим, так и отбывшим срок. Все прошедшие по 2-й категории получили максимальный срок в 10 лет ИТЛ. Доминирующим видом преступлений для осужденных по 2-й категории были кражи. При этом как «социально вредный элемент» прошли 500 чел. (86%), как лица «без определенного места жительства» — 9 чел. (1,5%), как лица «без определенных занятий» — 59 чел. (10,1%). Приблизительно 35% оказались лицами в возрасте до 30 лет. По национальному составу 54% составили казахи и 42% — русские и украинцы. Доля женщин среди уголовного элемента составила 3%. Анализ контингента наглядно свидетельствует о том, что прирост в значительной степени был обеспечен за счет деклассированных, в том числе из числа лиц титульной национальности.

«Малая» тройка: внесудебные инстанции милиции

Криминализация административных правонарушений открыла широкие возможности для внесудебной практики. Внесудебной инстанцией для осуждения «уголовников» стали особые тройки, известные как «милицейские», остановимся подробнее на анализе деятельности этого типа троек ввиду того, что эта инстанция еще не становилась предметом детального анализа. Массовое создание троек с участием милиции относится к 1933 г. В августе 1933 г. на основании циркуляра ОГПУ № 96⁶¹ предписывалось формировать «тройки» при полномочных представительствах (ПП) ОГПУ, целью которых было бы обеспечение в формате административных репрессий паспортного режима на территориях СССР при проведении паспортизации. Эти тройки были уполномочены выносить приговор к заключению в трудовой лагерь на срок до пяти лет. В состав региональных паспортно-милицейских троек входили начальник паспортного отдела, помощник по милиции и начальник оперативного отдела Полномочного представительства. Внесудебные решения о выселении из режимных местностей выносило и Особое совещание при Коллегии ОГПУ, которое курировало работу всех региональных троек. По сути, перед паспортными тройками была поставлена задача провести «чистку» городов с использованием методов внесудебных репрессий. Только за восемь месяцев 1934 г., согласно данным начальника паспортного режима НКВД, из режимных городов было выслано более 65,7 тыс. «деклассированных элементов»⁶². Исследователям до сих пор не удалось выявить материалы паспортных троек, что не позволяет судить о реальных масштабах репрессий в ходе паспортизации.

В июне 1934 г. в связи с реорганизацией ОГПУ в НКВД произошло окончательное слияние и поглощение милиции. При этом заметно расширилось участие органов милиции в осуществлении внесудебных репрессий. Реорганизация ведомства потребовала конкретизации полномочий «милицейских» троек, и приказом НКВД СССР № 00192 от 27 мая 1935 г.⁶³ на всей территории СССР создавались подобные тройки республиканского, краевого и областного уровней. Ликвидация «особых» троек в связи с созданием НКВД и организация по всей стране самостоятельных «милицейских» троек свидетельствовали о переориентации внимания внесудебных инстанций с «социально опасных» слоев на «социально вредные». Отныне они работали в составе председателя — помощника полномочного представителя ОГПУ по милиции, начальников паспортного и оперативного отделов, действовал и прокурорский надзор. Состав троек регламентировало постановление НКВД и прокуратуры от 9 мая 1935 г.⁶⁴ В сферу компетенции троек входило рассмотрение на местах дел на нарушителей паспортного режима, уголовных и деклассированных элементов, на лиц без определенного места жительства и работы, на ведущих асоциальный образ жизни. Тройки получили права на ускоренное вынесение приговоров с наказанием на срок не более пяти лет (лишение свободы или высылка из крупных промышленных городов в не режимные местности в пределах республики, края, области). За 1935 г. «милицейские» тройки осудили 122,5 тыс.⁶⁵ за

1936 г. — 141,3 тыс. чел.⁶⁶ За 1937–1938 гг., согласно оценкам исследователей, через «милицейские» тройки прошли 420–450 тыс. чел.⁶⁷

7 августа 1937 г. циркуляр НКВД СССР № 61 регламентировал работу и полномочия «милицейских» троек ввиду начала работы «кулацких» троек⁶⁸. Одним из важнейших изменений стало изменение их состава: руководство вновь перешло к Управлениям рабоче-крестьянской милиции (РКМ), поскольку руководство региональных управлений НКВД целиком переключилось на работу в составе «кулацких» троек.

Приказ НКВД СССР № 00319 «О работе троек по рассмотрению дел об уголовных и деклассированных элементах и о злостных нарушителях положения о паспортах» от 21 мая 1938 г.⁶⁹ вновь скорректировал работу «милицейских» троек, работавших до этого на основе циркуляра 1935 г. Вводимые изменения были обусловлены появлением в период массовых репрессий ряда практик, когда «милицейские» тройки рассматривали дела неподсудных им контингентов и применяли в качестве наказания условное освобождение или принудительные работы. Отныне полномочия «милицейских» троек соотносились с полномочиями Особого совещания при НКВД. Подтверждалось право «милицейских» троек на вынесение приговоров со сроками наказания до пяти лет в формате лагерного заключения или высылки из промышленных городов в не режимные местности.

Логика репрессий предполагала вынесение приговоров в зависимости от «степени общественной опасности». Подразумевалось, что в случае простых первичных нарушений предпочтительно ограничиться сроками в один-три года, в том числе за первичное нарушение паспортного режима до двух лет, но в отношении деклассированных лиц с судимостью речь могла идти исключительно о лагерном заключении. Особо отмечалось, что «милицейские» тройки неполномочны рассматривать дела лиц, совершивших побег, подобные дела следовало передавать на рассмотрение лагерных судов. Сроки следствия не должны были превышать 15 дней. В новом приказе и инструкции к нему особо оговаривалось, что при вынесении решений троек нельзя руководствоваться Уголовным кодексом, а в протоколах указывать, что лицо «обвиняется и осуждается как социально вредный элемент». Приказ от 21 мая 1938 г. предписывал также провести повсеместное изъятие уголовно-деклассированного элемента, не допуская при этом проведения массовых акций.

В Казахстане тройка с участием представителей милиции в республиканском формате работала с августа 1932 г.⁷⁰ при ПП ОГПУ, а с 1934 г. — при УНКВД Казахской АССР (с 1936 г. Казахской ССР). В ее состав входили начальник (или замначальника) УНКВД, начальник Управления РКМ и республиканский прокурор. Деятельность таких троек регламентировалась инструкцией СНК СССР от 11 января 1933 г. о режимных местностях (с 1934 г. — еще и Положением об Особом совещании при НКВД)⁷¹. В соответствии с общесоюзным регламентом 1935 г. тройка получила право приговаривать нарушителей паспортного режима, уголовных и деклассированных элементов к заключению сроком до пяти лет. Основной контингент, дела которого рассматривали тройки, — лица без определенных занятий, которые получали лагерный срок, и отбывшие нака-

зание уголовники, которым было отказано в проживании на «режимных» территориях. В ходе обработки протоколов «милицейской» тройки за 1935–1936 гг. мы можем утверждать, что данная инстанция в республике вынесла приговоры в отношении 5113 чел.⁷²

Начало массовых репрессий с лета 1937 г. отразилось на работе «милицейской» тройки Казахской ССР. Вплоть до января 1938 г. ее возглавлял начальник Управления РКМ Казахской ССР. После 20-х чисел 1938 г. в связи с исчерпанием лимитов по «кулацкой» операции «милицейская тройка» работала под началом УНКВД. Задача, поставленная майским приказом 1938 г., — повсеместное изъятие «уголовно-деклассированного элемента», также существенно сказалась на ее работе. В июне 1938 г. республиканская тройка была расформирована, а ее полномочия перешли к областным «милицейским» тройкам, которые работали вплоть до середины ноября 1938 г. На уровне областей в состав троек входили начальники УНКВД и УРКМ области, а также областной прокурор. Деятельность «милицейских» троек в республике, как и по всему СССР, была прекращена Постановлением СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 17 ноября 1938 г. «Об арестах, прокурорском надзоре и ведении следствия», определившим переход от политики массовых социальных чисток к более избирательным репрессиям. Незаконченные дела «милицейских» троек были переданы на рассмотрение в суды и Особое совещание.

Динамика осуждений республиканской «милицейской» тройкой представлена в табл. 4. За период с 1937 г. по июнь 1938 г. тройка осудила 9153 чел., в том числе в 1937 г. 4929 чел., а за неполную половину 1938 г. — 4224 чел. Эти данные позволяют утверждать, что данная внесудебная инстанция в 1938 г. почти вдвое увеличила свою активность. Анализ материалов о ее деятельности показывает наличие двух репрессивных волн: первая относится к сентябрю — декабрю 1937 г. (с пиком в октябре — ноябре), вторая — к марту — июню 1938 г. (с пиком в апреле — мае).

За полтора года республиканская «милицейская» тройка, кроме всего прочего, пересмотрела 96 дел. Большинство решений по пересмотру было связано с освобождением. Решение о нем принималось на основании ходатайства аттестационной комиссии лагеря. Зафиксированы единичные случаи увеличения срока с трех до пяти лет в отношении лиц, отбывавших наказание (чаще всего речь шла о побеге), и только один случай подтверждения «милицейской» тройки срока осуждения для заключенного КарЛАГа (приговор — 10 лет исправительно-трудового лагеря — вынесла в 1933 г. тройка ПП ОГПУ). В последнем случае дело заключенного пересматривалось в связи с протестом прокурора: 15 декабря 1937 г. помощник прокурора Казахской ССР заявила «о несогласии с приговором» по причине того, что «милицейская» тройка превысила свои полномочия⁷³. Суммарная статистика осуждений «уголовного» и «социально вредного» контингента за период реализации приказа № 00447 представлена в табл. 5.

Создание в июле 1938 г. областных «милицейских» троек вновь сделало регионы эпицентром репрессий. На завершающем этапе Большого террора помимо «милицейских» троек, работавших с июля по ноябрь 1938 г., с сентября

Таблица 4

**Протокольная статистика «милицейской» тройки Казахской ССР
за 1937 г. — июнь 1938 г.**

Месяц, год	Даты заседаний	Количество осуждений	Количество пересмотров	Отсутствует протокол
Январь, 1937	5, 8 (2), 19 (2), 27	287	...	№ 168
Февраль, 1937	2, 9, 11, 15, 17, 21, 28	312	11	...
Март, 1937	3, 10, 17, 20, 28, 29	368
Апрель, 1937	5(2), 19 (2), 27 (3)	248	11	...
Май, 1937	4, 13 (2), 16 (2), 17, 21	284	6	...
Июнь, 1937	4,5, 11 (2), 16 (3), 21 (2), 26, 27 (2)	521	12	...
Июль, 1937	5 (2), 8, 10, 11 (3), 23 (2), 25, 29	546
Август, 1937	5 (4), 10, 15, 16 (2), 23 (2), 25, 29	405	16	...
Сентябрь, 1937	3, 4, 5, 7, 13, 16, 25, 26, 27	693	2	...
Октябрь, 1937	7 (2), 15 (2), 16, 20 (2), 27 (2)	555	1	...
Ноябрь, 1937	2 (3), 5 (2), 14 (2), 17, 21 (2), 27, 29	436	7	...
Декабрь, 1937	3 (3), 10 (2), 16 (2), 27 (2)	274	—	...
Январь, 1938	5 (2), 8, 15 (2), 26 (2)	308	3	...
Февраль, 1938	3, 4, 14 (3), 21 (2), 28 (2)	370	2	...
Март, 1938	9 (2), 15 (2), 21 (3), 27 (2)	610		...
Апрель, 1938	3 (2), 9 (2), 15 (2), 21 (3), 27 (3)	1134	22	...
Май, 1938	4, 8 (3), 15, 16 (3), 21 (2), 27 (2)	1295	1	...
Июнь, 1938	3 (2), 9 (3), 15 (2)	507	2	...
<i>Итого</i>	...	9153	96	1

Составлено по: Национальный архив Республики Казахстан (далее — НА РК). Ф. 215. Оп. 5с. Д. 8–21*.

* Авторы выражают особую благодарность кандидату исторических наук Н.А. Потаповой, оказавшей помощь в обработке материалов протоколов «милицейской» тройки.

Таблица 5

**Динамика осуждений «уголовников» и маргиналов тройками Казахской ССР
за период реализации приказа НКВД СССР № 00447
(август 1937 г. — февраль 1938 г.), чел.**

Месяц, год	«Милицейская» тройка	«Кулацкие» тройки		Итого
		Милиция	Лагеря	
Август, 1937	385	197	193	775
Сентябрь, 1937	693	161	250	1104
Октябрь, 1937	555	272	57	884
Ноябрь, 1937	436	1242	177	1855
Декабрь, 1937	274	651	250	1175
Январь, 1938	308	10	99	417
Февраль, 1938	370	8	91	469
<i>Всего</i>	3021	2541	1117	6679

Составлено по: СГА ДП Карагандинской области. Ф. 1. Оп. 1. Д. 110. Л. 2.

начали функционировать областные «особые» тройки, контингентом которых стали «националы». На данный момент нами выявлены и обработаны материалы областных «милицейских» троек пяти из 11 областей⁷⁴ Казахстана. Для этого периода характерен следующий состав: руководил ее работой начальник областного Управления НКВД, а ее членами были начальник областного управления милиции и областной прокурор. Дела рассматривались на основании представлений райотделов милиции.

В табл. 6 приведены данные обработки материалов «милицейских» троек Алма-Атинской, Актюбинской, Восточно-Казахстанской, Северо-Казахстанской, Кзыл-Ординской областей Казахской ССР. Все областные тройки начали свою работу в 20-х числах июля 1938 г., но завершили ее в разное время: в диапазоне с конца августа до начала ноября 1938 г. Первоначально тройки заседали регулярно, два-три раза в месяц, но с октября-ноября заседания стали единичными. Суммарно количество осужденных в пяти областях составило 1821 чел. Обращает на себя внимание тот факт, что значительная часть лиц вообще не имела судимостей или приводов в милицию, но была осуждена как «деклассированный» элемент, кооптированный преимущественно из ссыльных. Почти половина осужденных получила максимальный срок — пять лет лагерей. Есть основания говорить о тенденции к снижению среднего возраста осужденных и увеличению доли женщин. Что касается национального состава осужденных, то 67 % из них были русскими, 20 % — казахами.

Таблица 6

**Численность и состав контингента, осужденного областными
«милицейскими» тройками Казахской ССР за июль — ноябрь 1938 г.**

Область	Мужчины	Женщины	Младше 30 лет	Старше 30 лет	Без определенных занятий	Без определенного места жительства	Социально опасные элементы	Ранее судимые / ссылка	Казахи	Русские	Украинцы	Другие национальности
Алма-Атинская	441	80	387	134	219	302	521	369	56	378	20	67
Актюбинская	338	49	251	136	20	367	387	387	105	230	25	27
Восточно-Казахстанская	392	97	302	187	231	258	489	304	79	323	15	72
Кзылординская	174	19	121	72	64	129	193	118	54	71	5	61
Северо-Казахстанская	192	39	168	63	82	148	228	182	65	—	147	19
<i>Итого</i>	1537	284	1229	592	616	1204	1818	973	359	1002	212	246

Составлено по: НА РК. Ф. 215. Оп. 5сс. Д. 22., Ф. 217. Оп. 4сс. Д. 173; Ф. 217. Оп. 1сс. Д. 125, 131, 135.

Заключение

В течение 1937–1938 гг. внесудебными инстанциями («кулацкими» и «милицейскими» тройками) в Казахской ССР было репрессировано по категории уголовных и деклассированных элементов более 15 тыс. чел. Интенсивность репрессий в республике в отношении данной категории населения в сравнении с 1935–1936 гг. выросла в три раза, что позволяет квалифицировать кампанию как массовую репрессивную операцию, в значительной степени ориентированную на криминальные, маргинальные и девиантные группы населения.

В период реализации «кулацкой» операции в Казахской ССР доля так называемых уголовников в общем количестве репрессированных резко колебалась, составив в августе 1937 г. — 28 %, сентябре — 20 %, октябре — 25 %, ноябре — 19 %, январе 1938 г. — 38 % и феврале — 4,4 %. В первые три месяца проведения операции «уголовники» занимали вторую позицию, вслед за «кулаками», среди всех групп репрессированных, что подтверждает тезис, согласно которому республика уделила «особое» внимание осужденным уголовникам, хотя «кулаки» и «прочий контрреволюционный элемент» оказались в абсолютном приоритете. Неожиданный всплеск осуждений «уголовников» в начале 1938 г. подтверждает некоторую цикличность, которую можно объяснить тем,

что республика оказалась не готова к продолжению карательной операции в прежнем масштабе и попыталась в первый месяц «закрыть» ее вновь за счет «уголовников». Анализ текстов приговоров позволяет утверждать, что с ноября в отношении «уголовников» начала превалировать тенденция к осуждению в лагерь, тогда как приговоров к смертной казни стало меньше. В территориальном разрезе репрессии в основном затронули более индустриально развитые северные, северо-западные и северо-восточные регионы республики, коснувшись прежде всего населения, изолированного в исправительных лагерях и трудпоселках. Анализ помесечной статистики осуждений республиканской «милицейской» тройкой периода «кулацкой» операции демонстрирует значительный рост рассматриваемых дел в сентябре — ноябре 1937 г. Окончание операции по приказу № 00447 и завершение работы «кулацких» троек вновь привели к росту числа осуждений «милицейскими» тройками в апреле — мае 1938 г., которые работали достаточно интенсивно вплоть до ноября 1938 г. Приращение показателей было обеспечено в значительной степени за счет деклассированных. Удвоение числа репрессированных в республике по линии милиции происходило в основном за счет лиц титульной национальности, но подобная практика в общегосударственном разрезе стала скорее исключением.

В 1937–1938 гг. имела место преемственность с периодом 1933–1936 гг. в реализации правоохранительных и внесудебных практик. Рост репрессий был обеспечен за счет расширения деятельности троек. Вопрос заключается в том, насколько эффективным оказался такой подход в борьбе с преступностью и для обеспечения правопорядка. Специалисты не только не обнаруживают понижение уровня преступности после Большого террора, но говорят о его росте⁷⁵, что свидетельствует о тенденции к дальнейшей криминализации общества. Большой террор по «троечному» сценарию не привел к победе над преступностью. Тем не менее дополнительная классификация категории «социально вредных» политическими аспектами позволила власти манипулировать и преувеличивать социальную опасность тех или иных групп населения. Репрессии в отношении мелких уголовников и социально-девиантных лиц стали, по сути, способом сознательной социальной инженерии.

¹ *Holquist P.* State Violence as Technique. The Logic of Violence in Soviet Totalitarianism // *Landscaping the Human Garden: Twentieth-Century Population Management in a Comparative Framework* / ed. by A. Weiner. Stanford, 2003. P. 129–156; и др. работы.

² *Хоффман Д.* Взращивание масс: модерное государство и советский социализм. 1914–1939. М., 2018. С. 363.

³ *Юнге М., Биннер Р.:* 1) Как Террор стал «Большим». Секретный приказ № 00447 и технология его исполнения. М., 2003. С. 242; 2) От «социально близкого» до «социально-опасного» элемента: преступники и социальная чистка советского общества. 1918–1938 гг. // *Сталинизм в советской провинции: 1937–1938 гг.: массовая операция на основе приказа № 00447* / сост. М. Юнге, Б. Бонвеч, Р. Биннер. М., 2009. С. 465.

⁴ *Ширер Д.* Государственное насилие, репрессия и вопрос социальной инженерии в Советском Союзе в 1920–1950 гг. // *История сталинизма: жизнь в терроре. Социальные аспекты*

репрессий: материалы междунар. науч. конф. Санкт-Петербург, 18–20 окт. 2012 г. М., 2013. С. 208–217.

⁵ Юнге М., Бордюгов Г., Биннер Р. Вертикаль большого террора: история операции по приказу НКВД № 00447. М., 2008; Сталинизм в советской провинции: 1937–1938 гг.; Через трупы врагов на благо народа. «Кулацкая операция» в Украинской ССР 1937–1938 гг.: в 2 т. Т. 1: 1937 г. М., 2010; Большевицкий порядок в Грузии: в 2 т. Т. 1: Большой террор в маленькой кавказской республике. Т. 2: Документы и статистика / сост. М. Юнге, Б. Бонвеч. М., 2015; и др.

⁶ Ширер Д. Сталинский военный социализм: репрессии и общественный порядок в Советском Союзе, 1924–1953 гг. М., 2014. С. 357.

⁷ Юнге М. Дело «уголовников» // Массовые репрессии в Алтайском крае 1937–1938 гг. Приказ № 00447. М., 2010. С. 215–226; и др.

⁸ Жанбосинова А. «Прошу снять с меня незаслуженное клеймо 58-й статьи»: эго-документы в истории политического террора в Казахстане. Семей, 2020.; Материалы Государственной комиссии по полной реабилитации жертв политических репрессий (20–50 годы XX века). Т. 1 / под общ. ред. Е. Карина. Нур-Султан, 2022.

⁹ Орынбаева Д. Политические репрессии в Казахстане в 1937–1938 годы: сравнительно-исторический анализ проблемы: дис. ... канд. ист. наук. Алматы, 1999.

¹⁰ Аблажей Н., Жанбосинова А. «Защитить трудящийся советский народ...»: рабочие как контингент приказа НКВД СССР №00447 (по материалам Казахстана) // Исторический курьер. 2023. № 1 (27). С. 154–166. URL: <http://istkurier.ru/data/2023/ISTKURIER-2023-1-12.pdf> (дата обращения: 24.04.2023).

¹¹ Жанбосинова А., Потапова Н., Савин А. «Немецкая» операция в Казахской ССР (1937–1938 годы): к вопросу об этнической составляющей Большого террора // Новейшая история России. 2020. Т. 10, № 1. С. 119–135. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu24.2020.108>

¹² Жанбосинова А., Потапова Н. Масштабы и региональные особенности «национальных» операций в Казахской ССР // Исторический курьер. 2019. № 1 (3). Статья 9. URL: <http://istkurier.ru/data/2019/ISTKURIER-2019-1-09.pdf> (дата обращения: 24.04.2023); и др.

¹³ Козыбаев И. «Большой террор» в Казахстане. Алматы, 2019.

¹⁴ Ширер Д. Сталинский военный социализм... С. 79.

¹⁵ Статья 35 «Удаление из пределов РСФСР или из пределов отдельной местности с обязательным поселением или запрещением проживать в других местностях» введена в УК РСФСР в 1930 г. (см.: Сборник документов по истории уголовного законодательства СССР и РСФСР 1917–1952 гг. М., 1953. С. 353–354).

¹⁶ Статьи 104, 107, 162 (пп. «в» и «д»), 164 (2 ч.), 165 (3 ч.), 166 и 167.

¹⁷ Савин А., Тепляков А. «Чистка чистильщиков» как инструмент дисциплинирования НКВД. Сотрудники УНКВД по Одесской области на скамье подсудимых, 1939–1943 гг. // Чекисты на скамье подсудимых: сб. статей / сост. М. Юнге, Л. Виола, Д. Россман. М., 2017. С. 349.

¹⁸ Собрание законов СССР (СЗ СССР). 1932. № 62, ст. 360.

¹⁹ Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927–1939: документы и материалы: в 5 т. Т. 5: 1937–1939. Кн. 2: 1938–1939. М., 2006. С. 543.

²⁰ Подробнее об этом см.: Ширер Д. Сталинский военный социализм... С. 154–155; Мозохин О. Право на репрессии: внесудебные полномочия органов государственной безопасности (1918–1953). М., 2006. С. 133–134.

²¹ Собрание узаконений РСФСР. 1935. № 19.

²² Лубянка. Сталин и Главное управление госбезопасности НКВД. Архив Сталина. Документы высших органов партийной и государственной власти. 1937–1938. М., 2004. С. 126–127.

²³ СЗ СССР. 1937. № 66, ст. 297.

²⁴ СЗ СССР. 1935. № 45, ст. 377.

²⁵ Специальный государственный архив Министерства внутренних дел Республики Казахстан. Ф. 13. Оп. 1. Д. 3.

²⁶ Специальный государственный архив Комитета национальной безопасности Республики Казахстан (далее — СГА КНБ РК). Ф. 9. Оп. 1. Д. 167. Л. 28–30.

²⁷ Ширер Д. Сталинский военный социализм... С. 250.

- ²⁸ *Hagenloh P. M.* «Socially Harmful Elements» and the Great Terror. P. 287, 303.
- ²⁹ *Ширер Д.* Сталинский военный социализм... С. 381.
- ³⁰ Центральный архив Службы безопасности Российской Федерации (далее — ЦА ФСБ РФ). Ф. 66. Оп. 5. Д. 2. Л. 155–174.
- ³¹ Сталинизм в советской провинции: 1937–1938 гг. Массовая операция на основе приказа № 00447 / сост. М. Юнге, Б. Бонвеч, Р. Биннер. М., 2009. С. 475; *Юнге М., Бордюгов Г., Биннер Р.* Вертикаль большого террора... С. 598.
- ³² Лубянка. Сталин и Главное управление госбезопасности НКВД... С. 234–235.
- ³³ Через трупы врагов на благо народа... Т. 1. С. 61–62.
- ³⁴ Российский Государственный архив социально-политической истории (далее — РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 162. Д. 21. Л. 96.
- ³⁵ *Юнге М., Бордюгов Г., Биннер Р.* Вертикаль большого террора... С. 40.
- ³⁶ Копия приказа № 00447 обнаружена в Архиве Департамента Комитета национальной безопасности Восточно-Казахстанской области (ДКНБ ВКО). Ф. 9. Д. 388. Л. 69–81.
- ³⁷ Через трупы врагов на благо народа... Т. 1. С. 178–179.
- ³⁸ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 22. Л. 113.
- ³⁹ Там же. Оп. 166. Д. 585. Л. 19–20.
- ⁴⁰ Специальный государственный архив Департамента полиции Северо-Казахстанской области (СГА ДП СКО). Ф. 15. Оп. 1. Д. 107.
- ⁴¹ СГА КНБ РК. Ф. 9. Оп. 1. Д. 386. Л. 2.
- ⁴² Там же. Д. 385. Л. 29.
- ⁴³ Там же. Д. 388. Л. 29.
- ⁴⁴ Там же. Д. 504. Л. 85.
- ⁴⁵ Подсчитано по: СГА КНБ РК. Ф. 9. Оп. 1. Д. 504. Л. 85.
- ⁴⁶ Трагедия советской деревни... Т. 5. Кн. 1: 1937. С. 60–61.
- ⁴⁷ Подсчитано по: ЦА ФСБ РФ. Ф. 3. Оп. 5. Д. 573. Л. 82.
- ⁴⁸ Данные в отчете по группам преступлений в отчете приведены без Кустанайской области.
- ⁴⁹ Трагедия советской деревни... Т. 5, кн. 1. С. 60–61.
- ⁵⁰ СГА КНБ РК. Ф. 9. Оп. 1. Д. 385. Л. 3.
- ⁵¹ Там же. Д. 388. Л. 29.
- ⁵² Там же. Д. 386. Л. 126.
- ⁵³ *Иванова Г.* Забытый остров архипелага ГУЛАГ — Провинский ИТЛ // *Historia provinciae* — журнал региональной истории. 2021. Т. 5, № 4. С. 1270.
- ⁵⁴ Подсчитано по: СГА ДП Карагандинской области. Ф. 1. Оп. 1. Д. 102–115; СГА ДП Западно-Казахстанской области. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1–5.
- ⁵⁵ *Юнге М., Бордюгов Г., Биннер Р.* Вертикаль большого террора... С. 594–595.
- ⁵⁶ СГА КНБ РК. Ф. 9. Оп. 1. Д. 504. Л. 67–74.
- ⁵⁷ Такой порядок введен в рамках реализации приказа № 00409. См.: Через трупы врагов на благо народа. Т. 1. С. 179.
- ⁵⁸ СГА КНБ РК. Ф. 9. Оп. 1. Д. 384. Л. 26.
- ⁵⁹ Там же. Л. 19.
- ⁶⁰ Согласно отчетам, область осудила 581 чел. (прошли по линии милиции), из которых 120 чел. приговорены к расстрелу (СГА КНБ РК. Ф. 9. Оп. 1. Д. 504. Л. 95).
- ⁶¹ История сталинского ГУЛАГа. Т. 1. Массовые репрессии в СССР. М., 2004. С. 156–157.
- ⁶² За первые 8 месяцев 1934 г. в «закрытых городах» было арестовано более 630 тыс. чел., выслано из городов как «деклассированных элементов» 65 661 чел., 3596 предстали перед судом, 175 627 чел. — высланы со статусом спецпереселенцев (см.: *Потемкина М., Кузнецова И.* Паспортизации городского населения СССР в 1930-х гг. // Проблемы истории, филологии, культуры. 2014. № 4 (46). С. 172 (со ссылкой: ГА РФ. Ф. 1235. Оп. 2. Д. 150. Л. 27–34).
- ⁶³ *Мозохин О.* Право на репрессии: Внесудебные полномочия органов государственной безопасности (1918–1953). М., 2006. С. 142.
- ⁶⁴ «Через трупы врага на благо народа»... С. 207.
- ⁶⁵ *Кудрявцев В., Трусов А.* Политическая юстиция в СССР. М., 2000. С. 283.

- ⁶⁶ *Ширер Д.* Сталинский военный социализм... С. 259; *Хоффман Д.* Возращение масс... С. 158.
- ⁶⁷ Трагедия советской деревни... Т. 5, кн. 1. С. 557.
- ⁶⁸ Через трупы врагов на благо народа. Т. 1. С. 161–162.
- ⁶⁹ Там же. С. 235 (со ссылкой на приказ НКВД СССР № 00319 «О работе троек по рассмотрению дел об уголовных и деклассированных элементах и о злостных нарушителях положения о паспортах»: ЦА ФСБ РФ. Ф. 66. Оп. 1. Д. 421. Л. 41–48).
- ⁷⁰ Первое заседание тройки состоялось 1 августа 1932 г. В 1932 г. было проведено пять заседаний. Тройка рассмотрела дела по запретам на проживание в пограничных районах КАССР.
- ⁷¹ *Мозохин О.* Право на репрессии... С. 142.
- ⁷² Подсчитано по протоколам «милицейской» тройки.
- ⁷³ СГА ДП Карагандинской области. Ф. 1. Оп. 1. Д. 110. Л. 2.
- ⁷⁴ Не обнаружены протоколы областных «милицейских» троек Гурьевской, Павлодарской, Карагандинской, Кустанайской, Южно-Казахстанской областей.
- ⁷⁵ *Иванов В. А.* Органы государственной безопасности и массовые репрессии на Северо-Западе в 30–50-е годы (историко-правовой обзор репрессивной документалистики). СПб., 1996; *Тепляков А.* Машина террора: ОГПУ — НКВД Сибири в 1929–1941 гг. М., 2008. С. 404.

Статья поступила в редакцию 12 мая 2023 г.

Рекомендована к печати 10 октября 2023 г.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Аблажей Н. Н., Жанбосинова А. С. «Массовые» операции НКВД 1937–1938 гг. в отношении уголовных и « деклассированных элементов» // Новейшая история России. 2024. Т. 14, № 1. С. 102–126. <https://doi.org/10.21638/spbu24.2024.107>

Аннотация: Одной из актуальных тем для постсоветских стран, в том числе и Казахстана, является тема советских политических репрессий. С началом деятельности Государственной комиссии по полной реабилитации жертв советских политических репрессий исследовательский фокус ученых направлен на освещение событий, персоналий, трагических сюжетов. Проблематика истории Большого террора в Казахстане изучена крайне фрагментарно. В контексте изучения массовых политических репрессий в СССР авторы стремятся посмотреть на роль террора в контексте радикального преобразования маргинального и переходного общества в общество социалистическое. В результате проведенного исследования показаны процессы политизации общеуголовной преступности и социальных аномалий, интенсификации внесудебных репрессий в 1930-е гг. в отношении криминальных и девиантных слоев населения. Впервые в научный оборот вводятся материалы внесудебных «кулацких» и «милицейских» троек Казахской ССР и обработанные данные протокольной статистики. Демонстрируется эволюция и специфика внесудебных инстанций, проводится углубленный анализ контингента репрессированных. Цель статьи состоит в изучении масштабов социальных чисток среди уголовных, маргинальных и девиантных групп населения в Казахской ССР в ходе реализации двух крупномасштабных репрессивных кампаний периода Большого террора, а именно «кулацкой» и «милицейской» операций НКВД СССР. Авторское исследование построено на сопоставлении данных отчетной статистики НКВД и материалов внесудебных инстанций. Установлено, что в период проведения самой массовой репрессивной кампании Большого террора, известной как «кулацкая» операция, в Казахстане было репрессировано почти 27 тыс. чел., в том числе как «уголовников» почти 3,7 тыс. чел., треть из которых расстреляли. Всего в течение 1937–1938 гг. в Казахской ССР внесудебными инстанциями было осуждено в качестве уголовных и деклассированных элементов более 15 тыс. чел. Сделан вывод о том, что политизация статуса маргиналов позволила преувеличить их социальную опасность, что привело к массовым репрессиям по отношению к ним.

Ключевые слова: Большой террор, внесудебность, милиция, тройки, кулаки, деклассированные, социально-вредные, Казахская ССР, Казахстан.

Сведения об авторах: Аблажей Н. Н. — д-р ист. наук, Новосибирский государственный университет (Новосибирск, Россия); Евразийский национальный университет им. Л. Н. Гумилева (Астана, Казахстан); ablazhey@academ.org | Жанбосинова А. С. — д-р ист. наук, проф., Евразийский национальный университет им. Л. Н. Гумилева (Астана, Казахстан); sovetuk@rambler.ru.

Новосибирский государственный университет, Россия, 630090, Новосибирск, ул. Пирогова, 2

Евразийский национальный университет им. Л. Н. Гумилева, Казахстан, 010008, Астана, ул. Сатпаева, 2

FOT CITATION

Ablazhey N. N., Zhanbossinova A. S. ““Mass” Operations of the NKVD in 1937–1938 against Criminal and “Declassed Elements””, *Modern History of Russia*, vol. 14, no. 1, 2024, pp. 102–126. <https://doi.org/10.21638/spbu24.2024.107> (In Russian)

Abstract: In the context of studying mass political repressions in the USSR, an attempt was made to look at the role of terror in order to radically transform a marginal and transitional society into a socialist society. The processes of politicization of common crimes and social anomalies, and the intensification of extrajudicial repressions in the 1930s against criminal and deviant segments of the population are shown. For the first time, the materials of extrajudicial “Kulak” and “Militia” troikas in the Kazakh SSR and the processed data of protocol statistics are introduced into scientific circulation. The evolution and specifics of extrajudicial bodies are demonstrated, an in-depth analysis of the contingent of the repressed is carried out. The purpose of the article is to study the scale of social purge among criminal, marginal and deviant groups of the population in the Kazakh SSR during the implementation of the two large-scale repressive campaigns of the Great Terror period, namely, the “Kulak” and “Militia” operations of the NKVD of the USSR. It has been established that during the period of the most massive repressive campaign of the Great Terror, known as the “Kulak” operation, almost 27 thousand people were repressed in Kazakhstan, including almost 3.7 thousand people as “criminals”, and a third of them were shot. In total, during 1937–1938 in the Kazakh SSR, more than 15 thousand people were repressed by extrajudicial bodies as criminal and declassified elements. It is concluded that the politicization of the status of marginals made it possible to exaggerate their social danger, which led to mass repressions against them.

Keywords: Great Terror, extrajudicial processes, militia, troikas, koulak, declassified, socially hostile, Kazakh SSR, Kazakhstan.

This research was supported by the Science Committee of the Ministry of Education and Science of the Republic of Kazakhstan Grant No. AP14869089 “The vertical and horizontal of the Great Terror: political repression in Kazakhstan in 1937–1938”.

Authors: Ablazhey N. N. — Dr. Sci. in History, Novosibirsk State University (Novosibirsk, Russia); L. Gumilev Eurasian National University (Astana, Kazakhstan); ablazhey@academ.org | Zhanbossinova A. S. — Dr. Sci. in History, Professor, L. Gumilev Eurasian National University (Astana, Kazakhstan); sovetuk@rambler.ru

Novosibirsk State University, 2, ul. Pirogova, Novosibirsk, 630090, Russia

L. Gumilev Eurasian National University, 2, ul. Satpayeva, Astana, 010008, Kazakhstan

References:

Ablazhey N., Zhanbossinova A. ““To Protect the Working Soviet People...”: Workers as a Contingent of the USSR NKVD Order No. 00447 (On the Materials of Kazakhstan)”, *Istoricheskii kur'er*, no. 1 (27), 2023. <http://doi.org/10.31518/2618-9100-2023-1-12> (In Russian)

Hagenloh P. M. “*Socially Harmful Elements*” and the Great Terror (London, 2007).

Holquist P. ‘State Violence as Technique. The Logic of Violence in Soviet Totalitarianism’ in *Landscaping the Human Garden: Twentieth-Century Population Management in a Comparative Framework*, ed. by A. Weiner (Stanford, 2003).

Hoffman D. *The cultivation of the masses. The modern state and Soviet Socialism. 1914–1939* (Moscow, 2018). (In Russian)

- Ivanov V. A. *State security agencies and mass repressions in the North-West in the 30s–50s (historical and legal review of repressive documentaries)*. (St. Petersburg, 1996). (In Russian)
- Ivanova G. M. 'The forgotten island of the Gulag archipelago — Prorvinsky ITL', *Historia provinciae — zhurnal regional'noi istorii*, vol. 5, no. 4, 2021. <http://doi.org/10/23859/2587-8344-2021-5-4-5> (In Russian)
- Junge M., Binner R. *How Terror became "Big". Secret Order No. 00447 and the technology of its execution* (Moscow, 2003). (In Russian)
- Junge M., Bordiugov G., Binner R. *The Vertical of the Great Terror: The history of the operation by order of the NKVD No. 00447*. (Moscow, 2008). (In Russian)
- Junge M., Binner R. 'From the "socially close" to the "socially dangerous" element: criminals and the social cleansing of Soviet society. 1918–1938' in *Stalinism in the Soviet Province: 1937–1938. Mass operation based on Order No. 00447* (Moscow, 2009). (In Russian)
- Junge M. 'The case of "criminals"' in *Mass repressions in the Altai Territory 1937–1938. Prikaz No. 00447*. (Moscow, 2010). (In Russian)
- Kozybaev I. *The "Great Terror" in Kazakhstan* (Almaty, 2019). (In Russian)
- Kudryavtsev V., Trusov A. *Political justice in the USSR* (Moscow, 2000). (In Russian)
- "Materials of the State Commission for the Complete Rehabilitation of Victims of Political Repression (20s–50s of the twentieth century)*, vol. 1, ed. by E. T. Karina (Nur-Sultan, 2022). (In Russian)
- Mozokhin O. *The right to repression: Extra-judicial powers of State security bodies (1918–1953)* (Moscow, 2006). (In Russian)
- Orynbaeva D. *Political repressions in Kazakhstan in 1938–1939: comparative historical analysis of the problem* [PhD in History] (Almaty, 1999). (In Russian)
- Potemkina M., Kuznetsova I. 'Passportization of the urban population of the USSR in the 1930s', *Problemy istorii, filologii, kul'tury.*, no. 4, 2014. (In Russian)
- Savin A., Teplakov A. *"Cleaning of cleaners" as a tool for disciplining the NKVD. Employees of the NKVD in the Odessa region in the dock, 1939–1943* (Moscow, 2017). (In Russian)
- Shirer D. *Stalin's Military Socialism: Repression and Public Order in the Soviet Union, 1924–1953*. (Moscow, 2014). (In Russian)
- Shirer D. *State violence, repression and the issue of social engineering in the Soviet Union in 1920–1950* (Moscow, 2013). (In Russian)
- Teplakov A. *Mashina terrora: OGPU-NKVD Sibiri v 1929–1941 gg.* (Moscow, 2008). (In Russian)
- The Great Terror in the Little Caucasian Republic*, vols 1–2, comp. by M. Junge, B. Bonvech (Moscow, 2015). (In Russian)
- Through the corpses of enemies for the benefit of the people. "Kulak operation" in the Ukrainian USSR 1937–1941*, in 2 vols, ed. by M. lunge, S. Cokin, R. Binner, O. Dovbnia, B. Bonvech, I. Smirnova, G. Bordyugov. (Moscow, 2010). (In Russian)
- Zhanbossinova A. *"I ask you to remove the undeserved stigma of Article 58 from me": ego documents in the history of political terror in Kazakhstan* (Semey, 2020). (In Russian)
- Zhanbossinova A., Potapova N. 'Scale and regional features of "national" operations in the Kazakh SSR', *Historical Courier*, no. 1 (3), 2019. (In Russian)
- Zhanbossinova A., Potapova N., Savin A. '"German" Operation in the Kazakh SSR (1937–1938). On the Question of the Ethnic Component of Great Terror', *Modern History of Russia*, vol. 10, no. 1, 2020. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu24.2020.108> (In Russian)

Received: May 12, 2023

Accepted: October 10, 2023